

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертационное исследование Сулова Ивана Владимировича «Реидеологизация цифрового общества», представленное на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 5.7.7 – Социальная и политическая философия

Геополитические вызовы, с которыми вплотную столкнулась современная цивилизация, во многом оказались порожденными ее масштабным ценностно-смысловым кризисом. Он был точно зафиксирован в парадигме постмодернизма, которая стремилась отразить устойчивую эрозию традиционных социальных институтов. Как следствие, классическое потребительское общество начало активно трансформироваться под влиянием новых технологических инструментов. Это обернулось подспудным формированием, а затем и быстрым распространением сетевой культуры с соответствующей медийной визуализацией. Эстетизированный цифровой контент оказался крайне желанным и востребованным потребительским продуктом на фоне явной деградации классической культуры и традиционных политических институтов. Подобная ситуация вполне закономерно обернулась масштабным кризисом классических идеологий, всерьез поставившим проблему деидеологизации. Однако развитие социальных институтов в невиданных ранее сетевых формах обернулось пересмотром моделей отказа от идеологии, фактически обозначив начало процесса ее цифрового ренессанса. Именно поэтому социально-философские рефлексии современных, крайне противоречивых социальных процессов, являются необычайно востребованной практикой развития не только гуманитарной науки, но и общественной практики. В силу этого, рассматриваемое диссертационное исследование без сомнения имеет *актуальность* и позволяет внести вклад в изучение медиатизированных цифровых моделей реидеологизации.

Диссертация Ивана Владимировича Сулова, посвященная комплексному исследованию процессов реидеологизации в условиях становления цифрового общества, вносит значительный вклад в развитие современной социально-философской мысли. Работа отличается глубиной теоретической, междисциплинарной проработки комплекса проблем цифровой трансформации современной социальности.

Цели и задачи диссертационного исследования сформулированы четко и реализованы в последовательной и логически непротиворечивой форме. Автор выявляет структурные основания трансформации идеологии в цифровую эпоху, предлагает рабочий понятийный аппарат и разрабатывает исследовательскую методологию, позволяющую анализировать динамику идеологических процессов в цифровых средах. Следует отметить успешное сочетание классических социально-философских теорий (Маркса, Маннхейма, Альтюссера) с более поздними медиаконцепциями (Маклюэна, Бодрийяра), что позволяет автору избежать редукционизма и представить идеологию как сложную, гибридную социальную технологию, действующую в

противоречивых условиях цифровой медиальности. Также автор опирается на значимые философские и социально-теоретические концепции, медиатеорию, исследования цифровой культуры, анализ визуальных нарративов, статистические данные о развитии российского интернет-пространства.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации И. В. Суслова, определяется значительным объемом проанализированных автором российских и зарубежных источников, посвященных рассмотрению реидеологизации в условиях цифровой трансформации современного социально-политического пространства. Проведенное автором обстоятельное исследование отличается высокой степенью теоретической обоснованности и опирается на обширный эмпирический материал; тщательную систематизацию существующих подходов к цифровой идеологии; корректное вписывание процессов российской реидеологизации в общемировой контекст медийных трансформаций постидеологической эпохи.

Новизна диссертационного исследования состоит в оригинальном социально-философском анализе процессов реидеологизации цифрового общества, основанных на механизмах симуляции и конструирования гиперреальности в современном мире. Активная адаптация систем идеологического воздействия к цифровым инструментам кардинально меняет механизмы производства и распространения идеологического контента. Это закономерно приводит к гибридации субъектности, которая отныне представлена не только персональными аватарами, но сетевыми платформами и алгоритмами, что позволяет успешно осуществлять управление вниманием пользователей. Медиатизированные идеологические конструкции внедряются «элементами машинного агентства» в сатирических, пародийных и гротескных образах власти, как особых метафорических визуальных нарративах. Подобная стратегия закономерно приводит к реинтерпретации темпоральной природы цифровой идеологии, переосмыслению доктринальных и ценностных идеологий, реконструкции идеологического образа советского прошлого, реинтерпретации традиционных моделей политической социализации.

Теоретическая и практическая значимость диссертации состоит в создании новых объяснительных моделей, концептуализирующих актуальные идеологические процессы в условиях цифровой трансформации социума. Такого рода выводы могут быть плодотворно использованы в междисциплинарных исследованиях цифровой культуры, коммуникаций, медиафилософии, политической социологии. Во-первых, автор предлагает новое понимание реидеологизации как медиатизированного процесса. Во-вторых, разработанная им концепция «гибридной цифровой идеологии» позволяет описать текучесть, фрагментарность и визуально-аффективный характер актуальных идеологических форм в условиях сетевой коммуникации, тем самым уточняя понятийный аппарат современной социальной и политической философии. В-третьих, темпоральный подход к анализу реидеологизации позволяет фиксировать смещение приоритетов социального

проектирования от будущего к прошлому, что является важным шагом в понимании кризиса модернистских идеологических проектов, причин появления и механизмов действия новых форм коллективной идентичности.

Практическая значимость работы также очевидна и многогранна. Предложенная автором концепция может быть использована при изучении генезиса и перспектив развития цифровой политической коммуникации, включая анализ медиастратегий государства, социальных институтов, отдельных политиков, творческих элит и гражданских активистов. Разработанная методология исследования цифровой идеологии применима в цифровой гуманитаристике, работе с большими данными, анализе визуальных нарративов. Выявленные механизмы идеологической мобилизации молодежи могут быть использованы в образовательных, гражданских и молодежных проектах, связанных с развитием медиаграмотности, пропедевтикой политической фрагментации, лоббизма и экстремизма, исследованием спектра цифровых форм гражданского участия. Анализ трансформаций образа советского прошлого в цифровой среде может служить основой для реализации проектов в сфере исторической политики, цифровой памяти и медийного осмысления прошлого.

Организация *содержания диссертации* отличается высокой степенью продуманности и исполнения, а также полностью воспроизводит логику авторских рассуждений. Остановимся на ряде принципиальных моментов исследования И. В. Сулова. Диссертация представляет собой текст на 386 страницах, в который включен список из 638 источников. Она содержит теоретико-прикладной анализ процессов реидеологизации общества в условиях его цифровой трансформации, который представлен в четырех главах, содержащих двенадцать параграфов.

В первой главе автор предлагает концептуальную реконструкцию идеологии как медиа феномена, исследуя превращение современного идеологического воздействия в визуально-аффективный процесс, опосредованный цифровыми технологиями. Систематизировав западные исследования по идеологии, деидеологизации и реидеологизации, И. В. Сулов создает концептуально-методологическое ядро будущего исследования. Это позволило автору определить ведущие идеологические форматы цифровой среды, дало возможность раскрыть механизмы производства и циркуляции социально-политических смыслов посредством современных электронных инструментов, превращающих идеологию в гибрид человеческого и машинного разумов.

Вторая глава диссертации посвящена анализу процессов формирования «цифрового субъекта реидеологизации» под воздействием алгоритмов и сетевой онтологии. Автор исследует новые формы репрезентации власти, а также практики творческой элиты как нового агента идеологического производства. Субъект-объектные измерения идеологии в цифровых средах приобретают невиданную ранее проницаемость, в результате чего рядовые пользователи, как непосредственные объекты воздействия, посредством своего

участия в процессе сетевой коммуникации (комментарии, посты, блоги и т.д.) обретают иллюзию субъектности. Таким образом, в пространстве цифровой идеологии появляется тема повседневности, активно вытесняющая в «тень» официальную повестку. Кроме того, субъектность в цифровой среде все более становится гибридом человеческих действий и машинных алгоритмов. Идеологизированные алгоритмические процедуры фильтрации информации создают новый механизм контроля, что закономерно порождает пользовательское недоверие к цифровым системам. Возникающая при этом монополизация информационных потоков грозит обернуться нормативным закреплением идеологической приоритетности одних нарративов по отношению к другим.

В третьей главе представлены перспективы применения темпорального подхода к анализу особенностей трансформации цифровой идеологии. Обнаруживая смещение идеологического фокуса от будущего к сакральному прошлому, автор диссертации осуществляет феноменологический анализ визуальных кодов на примере современных фильмов и сериалов, что позволяет проследить процесс ремифологизации нового идеологического продукта. Это приводит к возникновению ретроидеологий с присущими им ностальгическими нарративами, манипулирующих процедурами закрепления связи эмоциональной неустойчивости обывателей с амбивалентностью коллективной идентичности и прошлого. Неизбежно возникающие в подобных случаях процессы метафоризации идеологического пространства способствуют закреплению в нем геополитических стереотипов и мифологем.

В четвертой главе рассматриваются процессы реидеологизации российского социально-политического пространства в начале XXI века, включающие в себя возрастание роли гражданской бдительности, цифровую реконфигурацию публично-политического общения, трансформацию политических компонентов молодежного сознания и стратегию восстановления и «пересборки» идеологического значения советского прошлого. Завершающая часть исследования содержит комплекс социокультурных и философских выводов, дополняемых методологическим предложением интеграции цифровой гуманитаристики, количественных методов и анализа больших данных для исследования идеологических процессов.

В то же время, как и всякое масштабное исследование, диссертация оставляет пространство для дальнейшей рефлексии. В нем представлен целый ряд противоречивых обобщений, требующих развернутых комментариев и уточнений по поводу авторской концепции.

Во-первых, как утверждает соискатель, в диссертации «проведена систематизация различных исследовательских подходов к определению концепта «цифровая идеология». Также предложена авторская концепция «гибридной цифровой идеологии», являющейся результатом постоянной пересборки и адаптации идеологических нарративов в связи с цифровизацией коммуникационных процессов». Тем не менее, подобные заявления не подтверждаются дальнейшими исследовательскими шагами автора. Ни концепт

«цифровая идеология», ни концепция «гибридная цифровая идеология» в дальнейшем так и не получают адекватного развития в тексте. Отсутствует определение этих базовых категорий, по крайней мере, целесообразно было бы привести в тексте работы хотя бы их соразмерные, родовидовые определения. Эта же самая проблема относится и к отсутствию в тексте работы важного определения «цифровое общество».

Во-вторых, в «Положениях, выносимых на защиту» читаем: «Понятие «цифровая идеология» следует рассматривать в двояком смысле: как официальную доктрину цифровизации и как совокупность сетевых субидеологий, возникающих как результат сочетания алгоритмического управления интернет-пространства с массовой анархической генерацией смыслов». Такая постановка вопроса требует развернутого комментария по поводу источника легитимации цифровой идеологии как доктрины цифровизации с обязательным указанием института(тов), провозгласивших эту доктрину в качестве официальной. И, соответственно, необходима характеристика социально-политических, аксиологических, антропологических и иных возможных контекстов формирования и отправления моделей сетевой «субидеологизации» вышеупомянутой «цифровой идеологии». А утверждение о наличии сочетания алгоритмического управления и анархической генерации смыслов выглядит сомнительным, поскольку алгоритмы управления как раз и создают пространства псевдоанархии смыслов, которые, на самом деле, являются как институционально проектируемыми, так и манипулятивно направляемыми.

В-третьих. Продолжаем анализировать «Положения, выносимые на защиту». Автор утверждает, что «виртуальные сообщества и цифровые платформы могут быть определены в качестве субъектов децентрализованного производства идеологических смыслов». И далее рассуждает в этом же ключе. Как и в предыдущем замечании, цифровые контексты существования идеологии рассматриваются им как пространства «децентрализованного идеологического творчества», с приписанной автором диссертации функцией смыслопроизводства, что в итоге и обуславливает трансформацию субъектности в идеологических процессах. На наш взгляд, децентрализация в производстве идеологии является всего лишь иллюзией, намеренно конструируемой властью для формирования и поддержания необходимого уровня социальной активности обывателей, позволяющей маскировать механизмы функционирования власти в цифровой среде. Цифровая идеология во многом и создается «теневыми» социальными структурами (субъектами), которые изначально и намеренно скрыты от обывателя в паутине пользовательских интерфейсов, и функционируют на уровне псевдомодемократического дискурса. Достаточно вспомнить многочисленные «громкие» истории последних лет с популярными социальными сетями в разных государствах.

В-четвертых, «в классических идеологических системах, – утверждает автор диссертации, – время было направлено вперед к идеалу, революции,

утопии, то в цифровую эпоху происходит темпоральная реконфигурация: будущее утрачивает приоритетный статус, а прошлое сакрализуется и реполитизируется», тогда как «политическая элита и массы утрачивают способность к проективному мышлению». Однако, даже беглый взгляд на цифровые продукты последнего времени, выведенные на рынок массового потребления по всему миру, обнаруживает необычайно мощную тенденцию как раз проективного иллюзионизма, который составляет алгоритмическую основу современных «информационных шумов». Нейросетевой контент как раз и является ярчайшим доказательством наличия мощнейшей бессознательной тяги пользовательских масс к утопическим и антиутопическим симулякрам (дипфейк, AI- и видео, фотосессии, нейрослопы, компьютерные игры и симуляторы). К тому же, именно дети, подростки и молодежь оказываются сами массовыми и верными приверженцами и последователями этих технологий именно потому, что в них существуют такие идеологические проекты будущего, которые по своему проективному потенциалу и привлекательности несопоставимы ни с какими наличными официальными и институциональными идеологемами. Это значит, что проективная функция идеологии в цифровом обществе не только сохранилась, но и с течением времени приобретает все более весомое значение.

В-пятых. Следующий пласт проблем исследования связан с определением роли визуальности в цифровом обществе. По мнению диссертанта, именно она «становится технологией формирования коллективного идеологического сознания». Считаем, что соотнесение визуальности и идеологического сознания (или в терминологии настоящей диссертации «массового сознания») выглядит достаточно противоречиво, поскольку визуальность всегда опирается на неосознанные формы восприятия. Тогда как сознание предполагает опыт самопознания и критический подход к освоению социальной реальности. Подобные цифровые контексты, наоборот, создают условия для формирования не идеологического сознания, а идеологического бессознательного, с присущими ему пассивностью, подражательностью, склонностью к тоталитарности и т.д.

В-шестых, утверждение автора диссертации о том, что «массовый доступ к идеологическому контенту» осуществляется с помощью его перевода «из сложных теоретических доктрин в упрощенно-визуальные, символическо-мифологические и меметические формы» также выглядит достаточно спорным. Специально оговоримся, что засилье визуального контента в современных цифровых средах свидетельствует не столько об упрощенности восприятия цифровых аудиторий и примитивности самого цифрового продукта, сколько демонстрирует первобытную потребность в массовых образно-символических компенсациях постоянных воздействий информационного шума и стремление обывателей, объединенных в сетевые сообщества, хоть как-то упорядочить нарастающий хаос реальности. Как раз именно так, в индивидуальных и коллективных формах и с помощью новых цифровых инструментов создается имажинативный Космос.

В-седьмых, диссертация заканчивается анализом роли молодежи в создании и воспроизводстве цифровой идеологии. Безусловно, молодое поколение особым образом относится к идейному наполнению цифровых сред, а, с другой стороны, именно оно выступает как основным потребителем, так и массовым производителем подобного контента. В то же время, не только эта социальная группа активно пользуется этими технологическими платформами. И почему представители иных социальных страт и возрастных категорий цифрового общества не попали в поле исследовательского интереса автора диссертации остается не вполне понятным. В этой связи, хотелось бы уточнить, на какие именно социологические данные или статистику опирается диссертант?

В-восьмых, § 1.1. «Идеология в ракурсе методологических поворотов социально-философского знания», в котором «рассматривается эволюция понятия «идеология» в политической и социальной философии XIX–XXI вв.», концентрируется на анализе зарубежных социально-философских подходов к рассмотрению идеологии, процессов деидеологизации и реидеологизации. В то же время, в тексте мы не обнаружили анализ отечественной традиции изучения идеологии и ее социально-мировоззренческих функций, что, на наш взгляд, является достаточно серьезным упущением.

В-девятых, текст диссертации представляет собой теоретико-прикладное исследование, что придает ему безусловную научную ценность. Тем не менее, существует некая диспропорция в отборе эмпирического материала для анализа. Так при анализе стриминговых сервисов в поле зрения попадают только американские ресурсы (Hulu, Netflix, Amazon Video Prime, Apple TV+, Max, Disney+). А в § 3.1. диссертант опять рассматривает только продукцию американской киноиндустрии, на основании анализа которой он и выстраивает общезначимые обобщения. В рамках подобной исследовательской модели оказываются непонятными критерии отбора эмпирического материала, что вызывает сомнения и в достоверности выводов.

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют новизны и значимости диссертационного исследования и носят рекомендательный характер.

Автореферат соответствует основным положениям диссертации и содержит их обоснование. Выводы диссертации нашли отражение в 51 печатной работе ее автора, включая 15 статей, опубликованных в периодических изданиях, включенных в Перечень ВАК РФ для опубликования результатов научных исследований, 2 монографии, 7 статей, опубликованных в журналах, индексируемых в международных системах цитирования и 27 статей, опубликованных в иных изданиях.

Заключение о соответствии диссертации критериям, установленным «Положением о порядке присуждения ученых степеней», утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года, №842. Таким образом, все вышеизложенное позволяет заключить, что диссертационная работа «Реидеологизация цифрового общества» является завершенным научным исследованием, выполненным на высоком

профессиональном уровне, посвященным концептуализации процессов реидеологизации в условиях цифровой трансформации современного общества. Она соответствует требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям согласно п.п. 9-11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. №842 (с последними изменениями, внесенными постановлением Правительства Российской Федерации от 01 октября 2018 г. № 1168), а ее автор, Сулов Иван Владимирович заслуживает присуждения искомой степени доктора философских наук по специальности 5.7.7. – Социальная и политическая философия.

«13» апреля 2026 г.

Официальный оппонент:

доктор философских наук (09.00.11 – Социальная философия),
профессор, профессор кафедры философии
и социологии ФГБОУ ВО «Новгородский
государственный университет им. Ярослава Мудрого.
Контактный телефон: +79116026046
E-mail: Andrey.Nekita@novsu.ru

Некита Андрей Григорьевич

Проректор по научной работе и инновациям
ФГБОУ ВО «Новгородский государственный
университет им. Ярослава Мудрого»
Харламов Константин Николаевич

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого».

Почтовый адрес: 173003, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41.

Контактный телефон: +7(8162)627244
e-mail: novsu@novsu.ru
сайт: <https://www.novsu.ru>

Специалист *И. С. Харламов*
13/04
2026 г.